

Л. С. Дампилова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Мотив двойничества в поэзии Эдуарда Мижита

Аннотация. В философских размышлениях Эдуарда Мижита поэтика неопределенности становится универсальным началом его поисков смысла бытия. Поиск связан с движением в сторону неизвестного, которое может быть и непостижимо. Герой осознает себя одновременно как проекцию самого себя и неведомого другого. Центральный мотив одиночества является следствием проекции самого себя в разных ролевых воплощениях: второе «я», душа, тень. В его расколотом мире расколота его идентичность. Мир, расколотый на оппозиционные пары «жизнь и смерть», «вечность и мгновенье», создает двойственность сознания героя. Думается, поэзии Мижита более свойственна внутренняя двойственность и противоречивость, характерная модернистской картине мира. «Поэзия есть ощущение и чувство своего собственного существования» (Пруст), и книга Эдуарда Мижита – это его отношение к самому себе и миру.

In Eduard Mizhit's philosophical reflections the poetics of uncertainty becomes the universal beginning of his search for the meaning of life. The search is associated with movement towards the unknown, which may be incomprehensible either. The hero realizes himself as the projection of both himself and an unknown other. The central motif of loneliness is the consequence of the projection of himself in different role embodiments: the second «I», soul, and shadow. His identity is split in his split world. The world split into such oppositional couples, as life and death, eternity and moment, creates the duality of the hero's consciousness. More peculiar to the poetry of Mizhit appear to be the internal duality and discrepancy, which are characteristic for the modernist picture of the world. «The poetry is the perception and feeling of one's own existence» (Proust), and Eduard Mizhit's book is his attitude to himself and to the world.

Ключевые слова: современная поэзия, историческая поэтика, двойственность мира, лирический герой, семантика, время, бытие

Modern poetry, historical poetics, world duality, lyrical hero, semantics, time, life.

УДК 82.09

Контактная информация: ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090; +7 (383) 330 47 72; dampilova_luda@rambler.ru

Эдуард Мижит – поэт, прозаик, драматург, эссеист и переводчик. Богатая биография писателя, широкий жизненный кругозор (служил в армии, был воспитателем, санитаром в психбольнице, сторожем, грузчиком, учителем и т. д.), несомненно, являются основой его особенного поэтического почерка и стиля мышления. Он пишет на русском и тувинском языках. В литературе народов Сибири

билингвизм в поэзии имеет особые творческие импульсы. Можно предположить, что в его поэзии два близких духу поэта языка дополняют друг друга и создают «более гибкую и податливую новым понятиям мировоззренческую систему» (Бахтин). Э. Мижит является автором исторической драмы «Вихрь Кара-Дага», книги избранных драматических произведений «Жертвоприношение» (на тувинском языке). Наиболее он известен своими пьесами «Кто ты, Субедей-богатур?» и «Кюль-тегин», поэтическими сборниками «Палица Кезера», «Осколки», стихотворениями в прозе «Зов взвихренного колодца», сборниками стихотворений и поэм «Простые строки» и «Огоньки сквозь туман», а также сборником верлибров на русском языке «Расколотый миг».

Название книги «Расколотый миг» определяет композицию книги и двойственную суть сомневающегося лирического героя. Неоднозначный эпитет *расколотый* открыт для различных интерпретационных подходов. Название циклов миниатюр уточняет ракурс поисков своего «я» в расколотом мире. Философские размышления и разговоры с самим собой в тишине и одиночестве («Глас тишины», «Грани одиночества», «Мой одинокий зов») помогают ему познать себя и вселенную («Сквозь себя», «За гранью слов», «О невыразимом») через время и пространство («Капли вечности», «Минутное», «Бездна», «Корни», «Мазки и линии», «Бусинки столетий»). Думается, психологически насыщенный мир поэзии Мижита можно отнести к «открытым» текстам, в которых читатель находит разные интертекстуальные коды. По мнению У. Эко, такое «произведение остается неисчерпаемым, поскольку оно открыто» [Эко, 2005, с. 95].

Эмоциональный мир лирического героя находится в состоянии медитативного поиска ответов на вечные вопросы бытия. Он скрупулезно изучает ход собственных раздумий, как бы записывает свои мелькающие настроения и состояния души: «Какая-то мысль / стрелой пронзила мой мозг», и мир можно осмысливать через «веер-ветер-вихрь» событий всю жизнь [Мижит, 2011, с. 3]. Истину можно постигать долго, заходя в своих размышлениях очень далеко, по мнению героя Мижита, это продолжается, пока жив человек. У лирического героя обостренное чувство поиска неизвестного, способность радикально сомневаться, и эта способность тесно связана с его даром понимать и видеть реальность.

В его размышлениях нет интонации утверждения, он находится в состоянии поиска, сталкивая разные экзистенциалистские толкования, ставя их под сомнение. В его расколотом противоречивом мире оппозиционные пары не расходятся на позитивные и негативные, они во взаимодействии: «Я выбирал, / в какую сторону мне / идти, / но, идя на запад, / везде находил восток, / в глазах которого / прятался запад, / и наоборот» [Там же, с. 70]. Запад и восток, свет и тьма, жизнь и смерть, та и эта сторона зеркала настолько тесно связаны, что перетекают друг в друга, и герой ищет свое «я» в каждом из этих миров.

В следующей короткой сентенции поэт высказывает свою концепцию о сути человеческого существования: «Люди – / бесконечные мысленные варианты / того, / кого собирается / сотворить Бог». На первый взгляд, кажется, что у героя преобладает западный образ мышления, но, скорее всего, в его поэзии более проявлен взгляд космополита. В основе его размышлений находится универсальная мифологическая идея о божественном происхождении человека. Бог в его лирическом дискурсе не персонифицированный образ. Это эфемерный бог, олицетворяющий дух, который находится в основе всего: «...тишина / есть голос бога / и все замолкает на свете, / когда он взывает / к нашим / душам». Зачастую он похож на христианского бога, который мир творит по своему разумению. Возможно, здесь еще сказывается языковая особенность, создающая ассоциации с христианской лексикой: «И снова я наг душой, / и чист перед богом, / как в самом-самом / Начале» [Там же, с. 4, 5, 8].

Излюбленным художественным приемом является сравнение. Поэт сравнивает жизнь с волной, смерть с выпавшим словом, слово с птенцом, время с поездом, стрелой, рекой, вселенную с юлой. Как нам кажется, богатая метафорика в поэтическом дискурсе создает особый эстетический эффект. Его метафоры и авторские метонимии в основном построены на смежности внутри контекста. В одном случае из сходства, построенного на аналогии предметов, автор рисует картину жизни вселенной: «А ведь точно так же / в диком вращении / и в пестрой смене / смертей и рождений / мелких букашек и целых миров, / мечется, бьется / в бесовской пляске / наша вселенная» [Мижит, 2011, с. 6]. Юла является метафорой, именем-заменителем вселенной, и отсюда возникает следующая коннотативная связь: «кто же этот мальчик / бог, который крутит юлу / вселенную». Его сравнения-сомнения восходят к поэтике неопределенности, в которой главным является эстетика мнимости, неидентичности.

В другом случае развернутой метафорой является сравнение разных возрастов человеческой жизни с жизнью природы: «Родник, / словно новорожденный, / забавно сучащий / ручками и ножками, / вырос в ручеек, / как в шаловливого мальчугана. / Еще не скоро / он станет океаном – / седовласым и мудрым / дедом» [Там же, с. 100]. Автор тонко подметил внешние сходные признаки. В данном случае выстраивается ассоциативная цепочка, выявляющая их тождественность на уровне умозаключений. Необходимо отметить особую способность поэта наблюдать, находить связь между семантическими единицами, кажущимися далекими друг от друга. Таким образом, непредсказуемость его метафорических кодов создает эстетическую составляющую его поэтического текста, открытого для разных интерпретаций.

Темы размышлений героя связаны с единым образом таинственного и неведомого «некто», имеющего разные воплощения. Этот образ также восходит к концепции поэта о неопределенности и мнимости внешнего мира и внутренней сути героя. В вопросе о сути бытия этот «некто» занимает центральную позицию, становясь некоей точкой отсчета, относительно которой определяется жизнь вселенной. Если это не мальчик, крутящий юлу-вселенную, то неведомый машинист, ведущий поезд времени, или стрелок, который пускают стрелу прошлого в будущее, но всегда остается вечный риторический вопрос: «Но кто выбирает цель / и пускает / стрелу?» [Там же, с. 15]. Итак, «некто» может быть многозначным образом, в первую очередь олицетворяющим начало всего сущего.

Вариантом «некто» в его одиноких раздумьях является тень. Мотив тени в мировой классической поэзии имеет множество коннотаций. В поэзии русских символистов образ тени зачастую олицетворяет бесплодное «инобытие», является таинственным призраком. Не менее развит мотив тени-двойника, близкого душе героя. В творчестве Мижита тень репрезентирует почти реального собеседника, родственника-двойника, с которым он общается: «Тихо окликнув меня, / выжидательно смотрит со стены / моя тень. / Нет! Нет! / И не проси! / Я не могу взвалить на тебя / свою ношу...» [Там же, с. 25]. Во многих его текстах мотив тени маркирует состояние одиночества, и тень всегда находится рядом с ним, преследуя и «пытаясь подслушать» его мысли. В одиноких раздумьях его сознание находится в неустойчивом состоянии, как бы на грани двойного бытия. И герой вступает в диалогические отношения сам с собой, со своим двойником в разных лицах. Он ощущает в себе другую жизнь, другого «я», т. е. другого самого себя.

С учетом национальных культурных кодов мотив тени в пределе семантического поля Э. Мижита может открыть новые интерпретационные возможности: «Утром / тень смерти / была впереди / и убегала от меня. / В полдень / она исчезла. / Вечером погналась за мной, / чтобы ночью мне / прыгнуть на спину» [Там же, с. 29–30]. Автор, используя реальное положение тени в течение дня, создает мифопоэтическую картину. Чтобы понять семантику образа тени в его поэзии,

необходимо соотнести ее с другими текстовыми аллюзиями автора. Думается, что «тьнь смерти» – именно тот код, который можно расшифровать в интертекстуальных связях.

В его небольшом рассказе «Стрела восточной тени», написанном в жанре легенды от лица тувинского мудреца, рассказывается о духовной ипостаси тени в жизни человека. Можно предположить, что это авторский миф о тенях: «Одна из теней приходит к человеку с севера и, естественно, падает на юг. Эта тень старше самого человека, причем намного старше, и поэтому она очень густая и тяжелая. Она навевает человеку грустные сны и мысли, холодит его сердце, прикасаясь к его груди кусочками льда, на которых, если присмотреться, отчетливо виден лик смерти» [Мижит, 2004, с. 118]. Мотив тени семантически насыщен аллюзиями с восточными мифологическими традициями. По мысли Т. В. Цивьян, «реальное, представленное нашим миром, микрокосмом, является репликой иного мира, макрокосма» [1990, с. 22]. Эти тени напоминают легенды о нескольких душах из тюрко-монгольской мифологии. Проблема двойничества в данном случае представлена в ракурсе ее соотношения с проблемой взаимосвязи реальности и фантазии.

Размышления героя протекают в состоянии одиночества. В его одиночестве нет эпатажного противопоставления себя внешнему миру, он как бы заключенный в собственном мире раздумий, по-разному осознает свое «я». Он пытается разобраться в том впечатлении, которое его поразило в данный момент, и запечатлеть это состояние души. Проходя «сквозь себя», копаясь в собственной душе, герой находится то в негативном, то медитативном состоянии поиска. Роль собеседника и неведомого друга наравне с тенью отводится душе как мыслящей сопутствующей субстанции. Душа – это тоже вариант того неведомого, которое сокрыто от чужого взгляда: «Лицо как маска, а душа под ним». Лицо может быть многолико, по его выражению нельзя определить его внутреннее состояние. Получается, что душа, являясь хранилищем его переживаний, живет отдельной жизнью от лица. Тень в его поэзии выступает в некотором роде воплощением души. Возможно, поэтому она и обозначает состояние намека, таинственного и неведомого, но близкого и родственного душе героя.

Тень и душа в его лирике тесно связаны с проблемой двойственности человеческой природы, не тождественности с самим собой: «Одинок брожу, / подхожу к скамейке, а там – я, / одинок сидевший здесь / недавно...» [Мижит, 2011, с. 27]. Он постоянно проигрывает варианты возможности почувствовать свое «я» не только, как обычно, изнутри, а увидеть свое тело извне. Мое «я» может быть не моей сутью, моя тень может общаться со мной – все это отражает подспудное, двойственное сознание героя. Приблизительно в том смысле, как по К. Г. Юнгу, идет манифестация темных сторон сознания. Двойник, персонифицируя его расщепленное сознание, соответствует двойственности расколотого мира. Думать о себе как о чужом человеке также является одним из методов самопознания. Другой в его поэзии именно тот, кого не хватает в его одиночестве, и он заинтересован в его участии.

Вопрос дуальности бытия связан с проблемой жизни и смерти, вечности и мгновения, прошлого и будущего, и, как мы писали выше, все эти оппозиции в поэзии Эдуарда Мижита взаимосвязаны. Смерть является основным критерием жизни, смерть вырастает из жизни, с первого часа рождения начинается бег времени к смерти. И если в этой жизни можно потерять все, только смерть никогда не покинет тебя: «И верно, / как преданный пес, / дождется тебя / в свой срок – / лишь только Смерть». Вопрос о жизни и смерти поэтом выстраивается в традиционных западных параметрах мышления. Как нам кажется, наблюдается характерная для русских символистов эстетизация Танатоса. Смерть и жизнь друг без друга не существуют, наблюдаются двойственность и равенство оппозиционной пары

«смерть – жизнь»: «Смерть / опьяняет меня, / до краев наполняя каждый мой миг / терпким вином этой жизни» [Мижит, 2011, с. 32–33]. Двойственность бытия предполагает, что в рождении заложена смерть. Таким образом, смерть приобретает черты двойника, преследующего героя всю жизнь.

Загадкой остается «таинственное море небытия». Для перехода в «море небытия» герой заказывает себе не гроб, а лодку для переправы, ассоциативно связывая с образом Харона. Вечность как смерть в его поэзии имеет границу в виде «таинственной ограды, / за которой скрыта / загадка Вечности». Смерть в виде ограды отделяет потусторонний мир от этого. А загадкой вечности является вопрос: «Значит, / нет после смерти / загробной жизни?» [Там же, с. 28, 33]. Неведомой тайной остается мир за гранью смерти. Его размышления о смерти и вечности зачастую зависят от впечатлений, т. е. от того, что запечатлелось в его сознании в данный момент и привело к подобным выводам.

Раздумья героя на эту тему имеют разные оттенки. Он, философски относясь к вопросу жизни и смерти, спокойно констатирует, что все в мире преходяще: «Гость не должен забывать, / что все-таки он / гость». Хотя у него и наблюдается тютчевская эстетика позитивной символики смерти, но часто актуализируется и негативная семантика: «Пусто и больно / в душе, / дерзнувшей постичь / вечность, / Пусто и больно, / как в рукаве / безрукого солдата / побежденной армии» [Там же, с. 16]. Основной прием сравнения срабатывает на разных уровнях, в данном случае сравнение по аналогии, ассоциация по сходству смысла. В его размышлениях о смерти нет романтического страха перед смертью, поэт трезво констатирует свои ощущения. Сравняя разные варианты текста («Невыразимое», «Может, смерть – / это тот миг, / когда человек исчезает / как слово...», «Где твое жало, смерть?»), можно интерпретировать смерть как еще один вариант его неведомого и таинственного «некто». В неоднозначных размышлениях о смерти как Вечности вопрос равен ответу, т. е. ответа нет.

Вопрос о жизни и смерти тесно связан с вопросом о времени, которое определяет путь к смерти. Ход времени в его рассуждениях не является константной величиной. Оппозиция вечности и мига создает двойственность восприятия времени, секунда как вечность и вечность как одно мгновение: «Ветер мгновений / дохнул на меня / запахом целых столетий». Здесь мы наблюдаем совпадение мгновенья и вечности. В следующем афоризме одновременно отождествляется и противопоставляется время: «А вот оно – / время сказать – / а время уже прошло» [Там же, с. 19]. Для лирического героя жизнь ограничена миготом, все меняется и исчезает через мгновение, поэтому он находится в состоянии навязчивой погони за неуловимо текущим временем («Что-то гонит меня с места», «Поезд», «Я пытался схватить и удержать время»). Лирический герой мучается сомнениями о сути бытия, и одним из основных его сомнений является тайна времени.

Если сравнение времени с поездом – универсальный поэтический прием, то сравнение с танцем шамана имеет определенный национальный колорит: «То каркая вороном / мудрым и древним, / то воя лунным серебряным волком, / ... / пляшет и пляшет / самозабвенно / время-шаман» [Там же, с. 18]. Образы ворона и волка отсылают к тюрко-монгольским мифологическим историям, но не менее связаны и с образами духов помощников шамана. В сравнении пляски шамана и бега времени моментом для аналогии является таинственный обряд шамана, непонятный и неподвластный никому, как и бег времени.

Связующим звеном между прошлым и настоящим, для сохранения мгновенно меняющегося мира для поэта служит память. И память в его поэзии не имеет однозначной коннотации, она может быть как запас воспоминаний позитивной ценностью, а как навязчивое состояние – негативной: «Память, / ты моя единственная опора – / ничего в тебе не меняется», «Память, / ты тяжкий груз на моих плечах – / и никогда не позволяешь сбросить себя, / как властный и опытный /

всадник» [Мижит, 2011, с. 53–54]. Герой одновременно находится в амбивалентной оппозиции к памяти, с одной стороны, радуясь, что она неизменна, с другой – страдая от того же. Двойственность состояния героя прослеживается во всей парадигме размышлений героя. Состояние намека и двойственности зачастую связано и с тем, что впечатление не может быть однозначно, оно может быть множественным, и выбор зависит от случая. Таким образом, миг в его сознании изначально расколот.

Итак, в философских размышлениях Эдуарда Мижита поэтика неопределенности становится универсальным началом его поисков смысла бытия. Поиск связан с движением в сторону неизвестного, которое может быть и непостижимо. Герой осознает себя одновременно как проекцию самого себя и неведомого другого. Центральный мотив одиночества является следствием проекции самого себя в разных ролевых воплощениях: второе «я», душа, тень. В его расколоте мире расколота его идентичность. Мир, расколотый на оппозиционные пары «жизнь и смерть», «вечность и мгновенье», создает двойственность сознания героя. Думается, поэзии Мижита более свойственна внутренняя двойственность и противоречивость, характерная модернистской картине мира. Но необходимо заметить, что образ его лирического героя не имеет негативной коннотации, он не в оппозиции ни к миру, ни к людям. Кажется, что он, по сути, находится в постоянном состоянии рефлексии, анализируя и сопоставляя сиюминутное «думаемое» с предыдущим. Поэт записывает свой стиль мышления, свои душевные и духовные импульсы на психологическом уровне. Как мы знаем, самая большая загадка для человека – он сам. «Поэзия есть ощущение и чувство своего собственного существования» (Пруст), и книга Эдуарда Мижита – это его отношение к самому себе и миру.

Список литературы

- Мижит Э.* Расколотый миг. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2011. 122 с.
Мижит Э. Легенда о семи мудрецах // Улуг-Хем. 2004. № 2 (39).
Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 203 с.
Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: Изд-во РГГУ, 2005. 502 с.